

М.Ю.Катин-Ярцев

БАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКОЕ ДВОРЯНСТВО НА РОССИЙСКОЙ СЛУЖБЕ. XVII — конец XVIII в.

Политическую позицию остзейского рыцарства, его экономическое и правовое положение в составе Российской Империи исследовали целые поколения историков¹. Отношение российской и шведской государственной власти к высшему сословию немецкой Прибалтики, а также сословная политика рыцарства описываются в многочисленных источниках и проанализированы в большом количестве научных трудов.

К сожалению, почти неосвещенным осталось участие в процессе создания российской бюрократии периода абсолютизма балтийско-немецких дворян, из которых рекрутировалась значительная часть офицерских и чиновничьих кадров. В настоящей статье мы постараемся дать общий обзор этой темы, не претендуя на всеобъемлющее, глубокое и серьезное исследование отдельных периодов или аспектов положения остзейских дворян на российской службе.

Период с XVII по первую половину XVIII в. можно охарактеризовать как поиск выходцами из балтийских дворян своего места в российской административной системе, окончательно обретенного ими в середине XVIII — первой половине XIX в.

Линия поведения отдельных представителей остзейского рыцарства в их отношении к военной службе в Российской Империи определялась конкретными экономическими, политическими и культурными обстоятельствами момента. Но их безусловный карьерный успех, живучесть и умение приспособиться имели глубокие исторические корни.

Прибалтийский регион издавна был объектом притязаний со стороны соседних государств, начиная с викингов и киевского князя Ярослава Мудрого (X—XI вв.), но его завоевателями суждено было стать выходцам из Германии. В 60-е годы XII в. по Западной Двине

¹ Назовем некоторые значительные работы: *Tobien A. (v.). Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Bd 1—2, Berlin, 1925—1930; Wedel H. v. Die Estländische Ritterschaft vornehmlich zwischen 1710 und 1783. Das I. Jahrhundert russischer Herrschaft Königsberg, 1935; Зутис, Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946; Armstrong J. A. Mobilized diaspora in tsarist Russia: the case of the baltic Germans // Soviet nationality policies and practices / Ed. by Jeremy R. Azrael. New York, 1978. P. 63—103; Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder / Hrsg. v. Gert v. Pistohlkors. Berlin, 1994.*

впервые поплыли на Восток купцы города Бремена, за которыми вскоре последовали монахи-миссионеры. Местные племена, охотно торговавшие с пришельцами, с подозрением и неприязнью встретили проповедь христианства. Получив материальную награду за крещение, они после отъезда святых отцов спешили отмыться в близлежащем водоеме от чужестранной веры².

После нескольких столкновений от римского папы было получено разрешение на крестовый поход, во главе которого стоял епископ Альберт (ум. в 1229 г.), незаурядный организатор и тонкий политик. Набрал в Северной Германии и Вестфалии вооруженных «пилигримов», он в 1201 г. основал в устье Двины город Ригу, а в 1202 г. — орден Воинства Христова, более известный как «Меченосцы». Ко времени смерти епископа немецким рыцарям удалось подчинить значительную часть Прибалтики. К концу XIII в. территория современных Эстонии и Латвии была покорена окончательно.

На землях завоеванных земгалов, куршей, ливов, латгалов и селов появились феодальные государства: Ливонский орден, Дерптское, Курляндско-Пильтенское и Рижское епископства. Кроме того, автономией пользовались города Рига и Ревель, являвшиеся членами Ганзейского Союза. Епископы и Ливонский орден жаловали своим вассалам земли, пополняя военный и административный аппарат. Для решения важнейших вопросов в каждой области созывался сословно-представительный орган — ландтаг, состоявший из трех курий: дворянства, духовенства и городов. Дворянство являлось в ландтаге наиболее влиятельной силой.

В отличие от пруссов предки эстонского и латышского народов не были ассимилированы, что, возможно, являлось результатом отсутствия общей границы с германским этносом. Немцы во главе с духовенством и рыцарями в течение всего этого времени оставались немногочисленной прослойкой, обладавшей в то же время всей полнотой политической власти, ее экономическими и финансовыми рычагами. Господствующая социально-национальная группа никогда не чувствовала себя спокойно. Однако и коренные жители, представленные прежде всего крестьянской массой и лишь в минимальной доле городскими ремесленниками, не были способны к вооруженной борьбе против захватчиков.

С конца XIII до середины XVI столетия немецко-прибалтийские государства участвовали в многочисленных конфликтах с Великим княжеством Литовским, Новгородом и Псковом, не расширяя и не теряя своих владений. Относительная внешнеполитическая стабильность с лихвой восполнялась постоянной борьбой между Орденом,

² Ливонская хроника Генриха Латышского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. С. 82.

епископами и городом Ригой, интригами внутри правящей элиты. Так, из 26 магистров этого периода 5 вынуждены были отречься, а один был низложен и умер в тюрьме; из 15 рижских архиепископов 4 имели «двойников» от соперничавшей партии³.

Истощенные междоусобными распрями, феодальные государства пали в 1558—1560 гг. под несколькими мощными ударами армии русского царя Ивана Грозного. Вскоре в войну были втянуты и другие, на тот момент более сильные соседи. Вмешательство польских и шведских войск после некоторых колебаний воинской фортуны закончилось в 1583 г. невыгодными для русских Ям-Запольским и Плюсским перемириями.

Согласно новому разделу в южной части образовалось Курляндско-Земгальское герцогство под сюзеренитетом Речи Посполитой; епископство Пильтен было заложено Пруссии; собственно Лифляндия отошла опять-таки к Речи Посполитой; Эстляндия с центром в Ревеле — к Швеции; остров Эзель — к Дании, затем к Швеции. В каждой из областей начала складываться своя дворянская корпорация из недавних орденских и епископских вассалов. Бывший магистр, а потом курляндский герцог Готгард Кетлер в 1562 г. получил от польского короля Сигизмунда Августа «Привилегию» с подтверждением свободы вероисповедания, прав землевладельцев на их земли, старинных законов и обычаев. Кроме того, польская корона согласилась с тем, что местные военные и гражданские чиновники будут назначаться из немцев.

Кровопролитные войны и моровые эпидемии опустошили большую часть областей, и многие поместья остались без хозяев. Новые верховные властители стали раздавать освободившийся земельный фонд своим военачальникам и чиновничеству. Так, дондангенские леса в Курляндии получил польский канцлер Барцевич, в 1620-х годах шведскому канцлеру Акселю Уксеншерне и фельдмаршалу Акселю Баннеру были пожалованы целые приходы и замки в Лифляндии⁴.

Важнейшим средством ограничения доступа в дворянскую элиту стали особые списки — так называемые дворянские матрикулы.

В 1618 г. в Курляндии было принято постановление ландтага о создании «Рыцарской скамьи» (Ritterbank), комиссии по проверке благородного происхождения. В течение полутора лет, отпущенных на приискание доказательств, далеко не все семьи успели собрать

³ См.: Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 285—288.

⁴ Stryk, L. v. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. 2. Teil. Der lettische District. Dresden, 1885.

необходимые документы, а из-за войны заседания комиссии были прерваны. Наконец, в 1634 г. 110 фамилий были внесены в особый список — матрикулу⁵. В 1642 г. туда было кооптировано еще девять родов. Имматрикулированные дворяне пользовались неограниченной властью над крепостными на своих землях, только они могли продавать и покупать «рыцарские имения». Как самостоятельные властители они осуществляли «высшую и низшую судебную власть», могли устанавливать собственные законы и даже казнить крестьян, которые приравнивались к древнеримским рабам. Матрикула была призвана закрепить за потомками внесенных в нее герцогских чиновников и судей права на занятие руководящих должностей.

Положение лифляндского и эстляндского дворянства, которому также вначале были гарантированы привилегии, не было столь завидным, как у их курляндских собратьев. Так, судебной реформой 1630—1632 гг. их вотчинная власть над крепостными строго ограничивалась правом наказания за незначительные проступки, касавшиеся главным образом барщинных работ. Швеция, в которой крепостного права никогда не существовало, тем не менее не отменила его, а населенные имения были «лакомым кусочком» для новых дворян — вчерашних бюргеров и пришельцев из стран-сюзеренов.

Рыцарство не могло открыто противостоять экспансии иноземного дворянства и католической веры (в районах, подвластных Польше). Из-за отсутствия поддержки со стороны местного населения⁶ остзейцы и помыслить не могли о своем, самостоятельном государстве и тем более — борьбе за него.

Вышеуказанные причины заставляли ливонских рыцарей не бунтовать против метрополии, а искать союза с ней. Почти сразу же они встали перед необходимостью поступать на службу в государства, обладающие частями Ливонии, где находились их земли, так как с владением поместьями всегда связывалась политическая власть над местным свободным и особенно над лично зависимым населением.

В королевстве Шведском многие выходцы из ливонских провинций добивались высоких постов и рангов, почестей и титулов.

⁵ *Hupel A.W. Statistisch-topographische Nachrichten von den Herzogtümern Kurland und Semgallen. Nordische Miscellanen Stück 9—10. Riga: Gadebusch, 1785. S. 20—27.*

⁶ Проезжавший по Прибалтике Адам Олеарий так излагает взгляд остзейцев на своих крепостных: «Полагают, что вредно было бы предоставить им более свободы... что от этого они сделались бы упрямей и непокорней. У них всегда лежит на мысли, что предки их были обладателями земли, но что немцы поработили их» (*Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 116.*)

Якоб Иоганн фон Гастфер (1647—1695), генерал-фельдмаршал и генерал-губернатор Лифляндии, был в 1687 г. пожалован графом⁷. Эстляндец Карл фон Нирод (1650—1712), последний шведский генерал-губернатор Эстляндии, в 1706 г. удостоился баронского и одновременно графского титула⁸. Полковник Отто фон Иксуль (ум. в 1653), военный советник и генеральный комиссар в Эстляндии и Ингерманландии, в 1648 г. получил титул барона с прибавлением к фамилии «фон Гильденбанд»⁹. Достигая влияния при дворе, представители старинных родов обеспечивали гладкое продвижение по службе своих сыновей и племянников, а нередко оказывали поддержку и землякам.

В такой дворянской семье старший сын после смерти отца уходил со службы и наследовал поместье, остальные занимали выборные должности и со временем могли также приобретать населенные имения. Спаянные многовековыми родственными связями и корпоративными интересами, остзейские рыцари очень неохотно допускали в свои ряды новых членов. Благодаря этому вплоть до конца XVIII в. среди рыцарских родов не встречается «беспоместных» или обедневших ветвей.

Среди лифляндских и эстляндских дворян до середины XVIII столетия, несмотря на отсутствие матрикулы, существовало ограничение «сип потогю», т.е. были общеизвестны те роды, которые упоминались в исторических хрониках и чье дворянское происхождение не подвергалось сомнению. Несколько из этих родов, несмотря на все политические катаклизмы, оказались настолько многочисленными и жизнеспособными, что с XIII по XX в. стояли «у кормила власти». В России их можно было сравнить, пожалуй, только с князьями Рюриковичами. Это Тизенгаузены, Врангели, Буксгевдены, Ливены, Унгерны, Иксули, Розены. Понятия «род», «родовая общность» вообще были далеко не чужды представителям рыцарства. Традицией, в последствии широко распространенной, стали договоры о переходе больших имений при пресечении одной из ветвей фамилии к другой. Так например, в 1608 г. богатейшие курляндско-пильтенские вассалы фон Бер заключили со своими родственниками в курфюршестве Ганновер семейный пакт с подробным описанием правил наследова-

⁷ *Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. Bd I. Gollitz, 1929. S. 96.*

⁸ *Ibid. Bd II. Gollitz, 1935. S. 149.*

⁹ *Ibid. Bd I. S. 478, 501.*

ния¹⁰. Отслеживание родственных отношений становилось таким образом одним из условий материального благосостояния.

В каждой провинции существование рыцарства было отмечено своими особенностями.

В Курляндии выход на службу в другие государства диктовался скорее внутриэкономическим положением. В ситуации, когда на 200 административных и военных должностей в самом герцогстве приходилось 600 имений, далеко не все могли рассчитывать на хорошую карьеру и обеспеченность у себя дома. Как результат мы видим относительную пестроту в выборе места службы курляндскими дворянами, что показано в таблице. Нами взята репрезентативная случайная 12% выборка из общего количества имматрикулированных дворян в XVII—XVIII вв.

Род	К-во взр. мужчин в 4-х поколе- ниях на протя- жении XVII в.	Служба:							
		военная в Речи Поспо- литой	при- дворная и чинов- ничья в Речи Поспо- литой	военная в Бран- денбур- ге и Пруссии	при- дворная и чинов- ничья в Бран- денбур- ге и Пруссии	военная в Шве- ции	военная в Дании	военная в герцог- стве Кур- лянд- ском	военная и граж- данская в дру- гих странах
Бригген	48	10			1				2 сакс. 1 папск.
Будберг	12	1	1				1		1 гессен.
Витген	21	10							
Гаарен	6								
Гольтей	11	2							
Дракен- фельс	23	1				1	1		1 сак- сен- вейм.
Зее- фельд	10	3							
Клюхтц- нер	9	5							1 Св. Рим. имп.
Коскуль	19	1					2		
Мантей- фель	48	14	4		1	2	3		1 Св. Рим. имп.
Меер- шейд	6	1					1		
Мирбах	47	17			1		2		2 кур-сакс. (польск.), 1 Св. Рим. имп., 1 франц.

¹⁰ Behr U. Bar. v., Senning A. Edwahlen und die Behrsche Ecke in Kurland. Verden, 1979. S. 398—402.

Род	К-во взр. мужчин в 4-х поколе- ниях на протя- жении XVII в.	Служба:							
		военная в Речи Поспо- литой	при- дворная и чинов- ничья в Речи Поспо- литой	военная в Бран- денбур- ге и Пруссии	при- дворная и чинов- ничья в Бран- денбур- ге и Пруссии	военная в Шве- ции	военная в Дании	военная в герцог- стве Кур- лянд- ском	военная и граж- данская в дру- гих странах
Нольде	35	8	3	1	1		1	2	1 вюр- темб.
Рекке	13	2	2					1	1 голл.
Фель- керзам	24	8	3			1	4	3	1 мекл., 1 шл- голлт.
Фирке	23	4	2					6	1 англ.
Фрейтаг	5								
Функ	10	2							
Ховен	16								
Хорнер	8	1					1		
Шлип- пенбах	31	4					2		1 гесс- касс., 2 голл.
Итого: 23 из 191 им- матри- кулиро- ванного рода									3 голл., 1 англ., 1 мекл., 1 шл- голлт., 1 вюр- темб., 1 франц., 3 Св. Рим. имп., 1 гесс., 1 сак- сен- вейм., 4 сакс., 1 папск.
Итого: 18	476	90	16	2	3	7	8	21	

Составлено по: Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Gornitz, 1938—1943. Bd I.

Подавляющее большинство курляндцев уходило, как и следовало ожидать, в войска Речи Посполитой. На втором месте стоит Курляндская гвардия. Третьими по численности были войска в Швеции, далее следовали — Дания, Бранденбург, Голландия.

В рядах эстляндского и лифляндского дворянства картина была более однообразной: подавляющее большинство дворянских сыновей выбирали для себя военную стезю в Швеции.

Балтийские дворяне чрезвычайно редко выезжали на службу в Россию. За первые три четверти XVII столетия зафиксировано всего несколько таких случаев.

Например, в 1636 г. из Разрядного в Иноземский приказ был направлен «немец Лифляндские земли» Иоганн фон Трейден, при-

ехавший в Москву через Новгород. За выход получил он 40 соболей по 20 рублей¹¹. В 1660 г. в разряд для определения в службу явился прапорщик Иоганн фон Букстевден¹². В 1673 г. была дана «Призывная грамота» инженерному подполковнику Ингольту фон Пальмштрауху¹³, а в 1678 г. одновременно с Лефортом на государеву службу поступил Филипп фон Дерфельден¹⁴.

Служба в Московском государстве была для западноевропейцев отнюдь не самой желанной, и не только из-за его отдаленности. Искусственная изоляция жителей Московии от остального мира, выражавшаяся в отсутствии свободы передвижения, была характерна не только для низших сословий. Каждый элемент русской феодальной лестницы был «крепок» к своему господину, а все вместе — к самодержавному государю. Такое закрепощение касалось, естественно, и дворянства, что не было обыкновением, например, в Речи Посполитой. Там «Литовскими Статутами» было закреплено право шляхтича за лучшей долей отправляться в другие края. Русский же человек, отъехавший на долгое время за границу, а уж тем более поступивший в иностранную службу, почитался предателем и не мог думать о возвращении назад. Петр I признавался, что он «дал позволение... ездить во... европейские государства для обучения, которое прежде того было запрещено под казнь» (выделено мной. — К.-Я.)¹⁵. Иноземцев под угрозой лишения поместий понуждали вступать в православие¹⁶, что благодаря книгам путешественников, например Адама Олеария, было известно в Европе.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. «Московский стол». Кн. 49. Не представляется возможным выяснить, к какой ветви средневекового рода фон Трейден (Тротта фон Трейден) принадлежит данный персонаж — эзельской или курляндской.

¹² Там же. Ф. 152. Оп. 1. 1660. Д. 11. Вероятно, именно к этому роду принадлежал ливонский епископ Альберт (ум. в 1229). Возможно, не идентифицированного по немецким источникам прапорщика Букстевдена подвигло на приезд в Россию родство с Овелакерами-Эверлаковыми (Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. Bd 1. S. 19—22; Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Oesel. Tartu, 1935. S. 58—59, 81). Не исключено, что женатый на Кларе Катарине из фамилии Теофили Иоганн Рейнгольд, в названном выше справочнике по генеалогии дворянства о. Эзеля упомянутый как майор (ум. до 1695 г.), без указания страны, в которой он служил, является именно тем Иваном.

¹³ РГАДА. Ф. 152. Оп. 1. 1673. Д. 4. Балтийско-немецкий род, незадолго до указанного времени получивший дворянское достоинство в Швеции.

¹⁴ Там же. Оп. 1. 1678. Д. 4. Потомки шведского адмирала Иоганна фон Д. (1561—1633). Владели имениями в Эстляндии.

¹⁵ Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 115—116.

¹⁶ Практика такого конфессионального давления была законодательно утверждена Указом царя Михаила Федоровича от 1653 г., согласно которому иноверцы не имели более права владеть поместьями, населенными православными крестьянами. В результате многие иноземцы, во втором или третьем поколении жившие на Руси, перешли в православную веру (в том числе Фамендины, Эверлаковы).

Непривычность чужих обычаев порождала отчуждение, раздражение и ненависть к «немцам». Она выплескивалась во время народных мятежей (например, в стрелецком бунте 1698 г.). С другой стороны, «иностранное» для русских издавна было неизъяснимо привлекательным. Это выразилось, в частности, в родословных легендах дворян и постройке великокняжеской резиденции — Кремля — под руководством итальянских мастеров. Вспомним, что почти все русские старинные фамилии выводили себя «из немец», «из грек», «из прус» или, крайнем случае, «из Орды».

Государственная власть, начиная с великого князя Ивана III, с удовольствием использовала иностранцев — не только лекарей и архитекторов, но и военных. Служба иноземных выходцев на регулярной основе впервые появляется в начале XVII в. при царе Борисе Годунове, а Смутное время застаёт при московском дворе войско численностью более тысячи человек¹⁷. Примерно с 1624 г. появляется специальный Иноземский приказ¹⁸. Он ведал организацией, распределением по полкам, а также выдавал денежное жалование и верстал поместным окладом царских офицеров — поляков, англичан, голландцев, греков, французов, немцев. Эту довольно обширную группу составляли прежде всего потомки ливонских пленников Ивана Грозного, «иноземцы старого выезда». В 1558, 1564, 1577 гг. жители Дерпта, окрестностей Ревеля и восточной части Рижского епископства были насильственно переселены в русские города Кострому, Владимир, Углич и Кашин¹⁹. Находившиеся поначалу в самом несчастном положении пленников, в царствование Бориса Годунова некоторые из них были взяты на военную службу, другие поступили в купечество. Среди древних фамилий — бывших вассалов Ливонского ордена, наиболее успешную карьеру сделали лифляндцы Фамендины (v. Mengden) и эстляндцы Эверлаковы (v. Ovelacker). На более скромных должностях подвизались Цеевы (Zöge v. Manteuffel), Фанинзины (v. Gilsen), Штрики (v. Stryk), Врангилевы (v. Wrangell), Икселевы (v. Uexküll). Необходимо также особо отметить богатых купцов Вестовых. Потомки владельца солодовой мельницы в Дерпте Ганса Вестгофа (Westhoff) с середины XVII в. объявляются в Москве в качестве состоятельных купцов, а к концу столетия уже служат полковниками в армии²⁰.

¹⁷ Маржерет Я. Состояние российской державы и Великого княжества московского ... с 1590 года по сентябрь 1606. СПб., 1830. С. 34, 37 и др.

¹⁸ Лаптева Т.А. Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 113.

¹⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 87.

²⁰ Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 7, 51; Он же. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. М., 1992. С. 41, 51, 101.

Во времена Смоленской (1632—1634) и русско-польской (1654—1657) войн русская армия, остро нуждавшаяся в знатоках европейского военного искусства, была пополнена «иноземцами нового выезда». Для вербовки наемников послылись в 1631—1633 гг. А. Лесли и Г. Ван-Дам. Среди этих людей преобладали по-видимому, лица незнатного происхождения. Так, многие из них имели фамилии, производные от личных имен: Иванов, Петров, француз Лотанов.

Особенностью жизни служилых иноземцев «на Москве» было их неустойчивое правовое и имущественное положение. В середине 1650-х годов, возможно под угрозой лишения или сокращения поместий, некоторые иноземные офицеры вынуждены были крепиться. Среди них — полковник Александр Лесли и прапорщик Вилли Брюс, отец будущего российского государственного деятеля и ученого Я. В. Брюса²¹.

С конца 1680-х годов с жителями Немецкой слободы обижается молодой царь Петр Алексеевич, друзьями которого считались швейцарец Ф. Лефорт и шотландец П. Гордон. Главным результатом его знакомства с ними для того времени стала полная свобода вероисповедания и отправление неправославных религиозных обрядов. Некоторое время спустя секретарь посольства Священной Римской империи Корб отмечает, что большинство офицеров-иноземцев происходили из Лифляндии и Курляндии²². Утверждение это, хотя и не соответствует действительности, интересно тем впечатлением, которое произвели на путешественника жившие в московской «немецкой слободе» остзейцы. Все же он упоминает 80 офицеров от полных генералов до капитанов, включая сюда и моряков. Можно с уверенностью говорить об остзейском происхождении лишь десяти. Из них предки генерала Ивана фон Мендена²³ (рус. искаж. Фамендин), капитана Фридриха Цете фон Мантейфеля²⁴ и полковника Вестофа, офицеров Фливерка и Келлермана²⁵ были вывезены из Прибалтики более чем за сто лет до описываемого момента. Курляндцы, бароны Бломберг, появляющиеся в России в 1642 г.²⁶, а их земляк полковник Мельхиор фон Шлиппенбах, — гораздо позднее, а именно около

34

21 *Lantinga T.A.* Указ. соч. С. 121.

22 *Korb H.L.* Дневник поездки в Московское государство. М., 1867. С. 306.

23 *Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften.* Teil Livland. Bd II. S. 1200.

24 ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 423.

25 *Демкин А.В.* Замалдоевропейские купцы и их приказчики... С. 51—52; Терма-аноническое собрание профессора Э. Амбурера. Хойхельхайм близ Лисена (Германия).

26 *РГАДА.* Ф. 1455. Оп. 1. Св. 120. Л. 417—450. Константин Андреевич Бломберг, его сыновья Яким и Осип — помещики Карачевского и Костромского уездов.

1695 г.²⁷ Под вопросом остается принадлежность к остзейскому рыцарству Функа²⁸ и Энгельса²⁹. За исключением православного Мендена ни один из этих офицеров не достиг в дальнейшем высоких чинов, хотя все же они были лично известны царю с его молодых лет. Таким образом, до начала Северной войны балтийские дворяне а) составляли немногочисленную часть послуживцев Немецкой слободы, не образуя отдельной группы; б) не имели влияния на царя. В то же время удивителен тот факт, что они в течение столетия поддерживали тесные связи со своей исторической родиной. Так, в XVI в. существовали рыцарские фамилии Зонне (Цоне) и Трейден. Постепенно последние породили и среди остзейских немцев немало фантасических родословных легенд, не подтвержденных позднейшими исследованиями. Так например, некоторые из баронов Икскуль выхлопотали в Швеции перемену семейного прозвища на Мейендорф по своему предполагаемому родоначальнику. Цете отождествили себя с померанскими дворянами Мантейфель, а Трейденны — с вестфальцами фон Трота и затем явочным порядком стали употреблять двойные фамилии. Их примеру еще в последней четверти XVII в. последовали российские представители. На наш взгляд, это доказывает не только стойкость родовой памяти, но и регулярные контакты с родственниками, оставшимися в Ливонии.

Поначалу царь Петр, планируя войну со Швецией, предполагал заполучить Ингрию и Карелию, а Ливонию отдать союзнику — королю Речи Посполитой Августу III Сильному — все равно, на основе личной ли унии или в собственности его государства. Там даже не предполагалось вести военные действия. Первым, кто познал комил русского царя с историей и действительностью Прибалтики, с содержанием рыцарских привилегий, структурной местной управленческой и суда, был лифляндец Паткуль.

27 У Корба названы только фамилии, а имена собственные можно уточнить по древнейшей лютеранской метрической книге кирхи св. Михаила в Москве (с 1694 г.). Полковник Мельхиор фон Шлиппенбах — скорее всего, Мельхиор фон Шлиппенбах V, вернувшийся в Курляндию, владеет там имением Клейн-Вормсахтен (ум. между 1730 и 1733) (*Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften.* Teil Kurland. Bd I. S. 479—481).

28 В Курляндии упоминаются как вассалы Ордена и епископов начиная с 1407 г. (*Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften.* Teil Kurland. Bd I. S. 279—282).

29 Скорее всего, здесь имеет место обычное для Корба неправильное написание фамилии, записанной на слух. Эстляндская рыцарская фамилия фон Эндес, одного происхождения с Врангелями и Левенвольде, упоминается начиная с XIII в. (*Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften.* Teil Estland. Bd I. S. 603—605). Возможно, к ней принадлежали иносемцы старого выезда Анд Энкесев, Вилли Энкис и Юри Энкисов, действовавшие в 1632—1636 гг. (РГАДА. Ф. 210. «Московский стол». Кн. 46. Л. 1006; Кн. 49. Л. 362 об.).

Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660—1707) был самым выдающимся и решительным представителем оппозиции шведскому господству, возникшей в связи с Редукциями. В 1680-х годах шведский король Карл XI, нуждавшийся в деньгах, с подачи всесословного парламента постановил забрать все земли, когда-то принадлежавшие короне и потом розданные офицерам и вельможам, обратно в казну. И хотя помещики были оставлены в своих имениях на положении арендаторов, их привилегиям был нанесен существенный ущерб. После петиций и аудиенций у короля некоторые остзейцы стали посматривать в сторону Польши и России. Бежавший от королевского гнева Паткуль был произведен в польские генерал-майоры, а в 1699 г. послан в Москву, где подготовил почву для союза России с Речью Посполитой. Тогда же он переходит на русскую службу. Устремления Паткуля и Петра I в то время во многом совпадали. Одной из главных целей Паткуля было освобождение Прибалтики от шведов, восстановление старинных порядков и отнятой собственности. Но, вызывая царя на войну, он хотел, чтобы «к населению Ингерманландии и Карелии» в случае их захвата московиты относились бы не с присущей всем завоевателям «обычной жестокостью»³⁰, и население могло бы жить по-прежнему в своих городах и деревнях без стеснения и грабежей. Петр I, пораженный совершенством административного управления, достижениями наук и искусств во время «Великого посольства» в Европе (1697—1698), был охвачен желанием изменить, перестроить все по западному образцу, будучи уверен, что это сделает Россию Великой. Паткуль, тоже очень разносторонний человек, занимавшийся монетной системой, вынашивавший план строительства канала между Днепром и Вислой, составил обращение, приглашавшее европейцев — мастеров, ученых, военных, моряков — приезжать в Россию для работы на очень выгодных условиях. В 1701 г. этот Манифест³¹ был распространен во многих малых и больших государствах. Для каждого переселенца гарантировались свободный въезд, свобода вероисповедания и религиозного обряда. Приехавшие могли быть судимы по законам своей страны. Кроме того, при желании каждый мог свободно вернуться обратно.

Сам Паткуль развил в том же году бурную деятельность по приглашению на российскую службу иностранных офицеров, во многом рассчитывая на балтийских соплеменников. Так, в 1702 г. он привлек на службу в России саксонского полковника, будущего видного полководца, доверенного генерала Петра I Карла Эвальда фон

³⁰ *Wulffius W.* Studien zur Geschichte Patkuls und des Nordischen Krieges // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924—1926. Bd 23. S. 250.

³¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 1919.

Рённе (1663—1716)³², бывшего ранее в шведской и голландской службах. В следующем году им были завербованы «цесарский», т.е. состоявший на службе Священной Римской империи, генерал-майор Георг Густав фон Розен (1645—1737)³³, который успел до этого повоевать под знаменами французского и датского королей. Адьютантом к нему был принят воспитанный в иезуитской коллегии в Вене его сын Иоганн (1681—1752)³⁴, впоследствии российский генерал-майор. Среди сохранившихся архивных материалов мелькают и еще некоторые остзейские фамилии, такие, как Герздорф и Унгерн-Штернберг, но они составляют лишь очень небольшую часть среди новоиспеченных российских офицеров. И отнюдь не только потому, что большинство взрослых балтийских дворян находились в шведской армии.

Дело в том, что в занятых областях Прибалтики русская армия под командованием Б.П. Шереметева разоряла как местное население, так и немецкое меньшинство. В 1702 г. была опустошена Лифляндия, в 1703 г. — Эстляндия. В 1708 г. немецкие жители Дерпта последовали за нарвцами в суровую сибирскую ссылку, в их числе женщины и дети. К 1705 г. у шведов оставались только крепости Рига, Пернов, Аренсбург и Ревель. Безусловно, в то время трудно было говорить о заинтересованности балтийского рыцарства в установлении российского господства в Прибалтике. Тем более что с началом Северной войны Карл XII, заботясь о сохранении верности беспокойных остзейских подданных, торжественно объявил в Стокгольме о прекращении редукций.

Внешнеполитически балтийско-немецкие дворяне были обречены на зависимость от соседних держав. Но в условиях борьбы за овладение Прибалтикой им приходилось считаться с остзейским дворянством, которое приобрело возможность маневрирования между противниками.

Изменений в политике русского царя в отношении балтийского дворянства не наблюдается до 1709 г., пока победоносное сражение под Полтавой не высвободило Петру I руки для штурма шведских крепостей в Прибалтике. В июле к Риге был послан корпус фельдмаршала Б.П. Шереметева. В сентябре он встал у стен города. Высочайшей инструкцией повелевалось на этот раз никакого притеснения местным жителям не чинить. В интересах царя были: восстановление

³² *Deutsch-Baltisches Biographisches Lexikon 1710—1960.* Bohlau Verlag. Köln; Wien, 1970. S. 638.

³³ Дело находилось в РГАДА (Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 19). По описи 1938 г. отмечено несуществующим. См. также: *Deutsch-Baltisches Biographisches Lexikon 1710—1960.* Böhlau Verlag. Köln; Wien, 1970. S. 645.

³⁴ *Deutsch-Baltisches Biographisches Lexikon 1710—1960.* Bohlau Verlag. Köln; Wien, 1970. S. 646.

торговли в крае, нормальное функционирование жизни и поднятие авторитета русских войск среди жителей Ливонии. Для этого в Ригу был послан универсал, в котором гарантировалось, что имущество, жизнь и права населения как немецкого, так и не немецкого будут сохранены. После нескольких месяцев осады весной 1710 г. в Риге начала свирепствовать чума, перекинувшаяся на русский лагерь. 4 июля 1710 г., когда оба войска были измучены болезнями и долгим стоянием на месте, а помощи от скрывающегося в Турции Карла XII ждать было бесполезно, шведский комендант граф Стрёмберг подписал капитуляцию. Капитуляции, подписанные, кроме того, отдельно с рыцарством и горожанами, стали основой юридического статуса балтийских немцев в составе Российской Империи.

В «Аккордных пунктах» с рыцарством Российское государство обещало: сохранять незыблемость лютеранской веры с устройством по консисториям и патронатом помещиков над приходскими церквями: назначать пасторов по представлению рыцарей и горожан; «штат провинциальный в прежнее состояние привести» (под чем имелось в виду прежде всего восстановление упраздненной в 1694 г. коллегии ландратов); образовать суд, «состоящий из персон неметской нации»; возратить отнятые по Редукции имения.

Интересным пунктом, касающимся внутреннего положения, было требование, чтобы в Остзейский край не вводили иррегулярных войск — казаков и татар, которые внушали особый ужас.

Кроме того, в пункте II рыцарство просило допустить его на русскую государственную службу, что было сформулировано следующим образом: «Шляхетство и уроженцы той земли имеют и пользуются перед другими правом ко всем гражданским, как воинским достоинствам употреблены быть».

Российскими подданными лифляндцы стали с некоторыми колебаниями и недоверием, но другого выхода у них не было.

Находившимся в Швеции офицерам и чиновникам балтийско-немецкого происхождения предоставлялась возможность вернуться и вступить во владение имениями, предварительно присягнув России. Не желавшим менять подданство предлагалось в течение двух недель покинуть провинции³⁵.

Шведская армия с развернутыми знаменами была выпущена из рижской крепости, однако многие офицеры — балтийские немцы остались, в частности полковники Альбедиль и барон Клодт фон Юргенсбург³⁶. Эрнст фон Альбедиль сделался впоследствии русским генерал-майором. В капитуляции Пернау (12 августа 1710 г.), где во

главе гарнизона стоял лифляндец полковник фон Швенгельм, для него была специально оговорена возможность остаться и, присягнув на верность царю, владеть своими имениями³⁷.

30 сентября 1710 г. Петр I в жалованной грамоте лифляндскому дворянству в торжественной форме подтвердил все права, «елико оные нынешнему правительству и времени приличаются», с оговоркой «однакож и наше, и наших государств высочество и права предоставляя без предосуждения»³⁸.

В 1710 г. закончилось собственно военное управление Лифляндией, и русским уполномоченным был назначен друг казенного Паткуля Герхард Иоганн фон Левенвольде (ум. в 1723 г.). Его задачей было восстановление Landesstaat, довоенных администрации и порядков. За период с 1711 по 1721 г. рекордное число раз собирался ландтаг, на котором выбирались должностные лица, решались экономические и имущественные вопросы.

Клановость балтийского рыцарства видна, в частности, по балтийским выдвинутым Петром I «Пленипотенциарий» Левенвольде, перешедший в русскую службу из саксонской в 1708 г., был женат на сестре ревельского вице-губернатора, российского генерал-майора Фридриха фон Лёвена (1654—1744). Альбрехт фон Менгден, шведский генерал-майор, при русском правлении стал лифляндским ландмаршалом, а женатый на его племяннице Вейнгольд фон Фелькерзам (1678—1736) был генерал-директором экономии, проводя в 1725 г. гаковую ревизию. Все они занимали также должности ландратов, сущность власти которых охарактеризована латышским историком Зутисом: «Представители царской власти в Риге генерал-губернаторствовали: никто у них не оспаривал этой высокой чести, но губернией все-таки больше управляли не они, а ландраты, которые охотнее считались с мнением дворянства, выраженным на очередном ландтаге, нежели с предписаниями из Петербурга»³⁹.

По заключенному в 1721 г. Ништадтскому миру Швеция оставалась международным гарантом дарованных «земству и рыцарству» немецкой Прибалтики прав и привилегий.

Уже тогда начался перевод лифляндских чиновников в качестве специалистов в Петербург. Первым из них был Герман фон Бреверн (1663—1721), по рождению рижский бюргер, получивший шведское дворянство в 1694 г. Знакомый лично с Петром I, уважаемый и ценимый им, Бреверн возглавлял рижский гофгерихт (верховный земельный суд) и при этом с 1718 по 1721 г. был вице-президентом Юстиц-Коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в

³⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2286.

³⁸ Там же. № 2301.

³⁹ Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 85.

³⁵ ПСЗ. Т. IV. № 2279.

³⁶ Гельмс И. Дневник об осаде Риги в 1709—1710 гг. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. С. 439.

Санкт-Петербурге⁴⁰. В 1721 г. в Петербург на должность президента петербургского магистрата был вызван рижский бургомистр Иоганн фон Бенкендорф (1659—1727).

Одновременно для небалтийских немцев на российской службе становилось привлекательным закончить свои дни, допустим, в лифляндском поместье. И те, кто мог бы защищать интересы остзейских рыцарей при императорском дворе, с готовностью включались ими в свои ряды, были имматрикулированы. Правовед Генрих Фик (1678—1750) из Гамбурга в 1716 г. был направлен с секретной миссией в Швецию. По результатам поездки он должен был составить проект внутреннего устройства России, что и было им блестяще исполнено. По описанному Фиком образцу были устроены коллегии (министерства), а также составлена знаменитая «Табель о рангах». За свои труды бывший бургомистр маленького городка в Голштинии получил в Лифляндии огромное поместье, замок Оберпаллен, охватывающее целый церковный приход, и более мелкие пожалования в Эстляндии⁴¹.

Не следует, однако, думать, что с капитуляцией ливонских городов все балтийские рыцари с готовностью перешли на русскую службу. Среди них были и убежденные сторонники шведского правления. «Я чувствовал большую любовь к моей родине Лифляндии и был убежден, что лучше всего она расцвела бы под шведским правлением»⁴², — писал бывший при шведах эзельским губернатором Карл-Адам фон Штакельберг.

Такая незаинтересованность объяснялась и тем, что по указам от 23 сентября 1723 г. и 4 апреля 1728 г.⁴³ последние приравнивались на военной и государственной службе к русским дворянам, получавшим жалованье меньше иностранцев.

Возможно, уже царь Петр предвидел выгоды от наличия «карманных» иностранцев, интерес которых к российской державе и зависимость от нее не ограничивались получением хорошего денежного оклада. По окончании Северной войны Петром были приняты меры по ограничению доступа в армию наемников, что звучало следую-

щим образом: «Ежели которые иностранцы в службе Его Императорского Величества похотят быть временно, и таковых против российских рангами унижить, разве что даст такой реверс, что по смерти им здесь останется»⁴⁴. Действительно, многие из иностранных наемников выехали за границу. «Недостаток» иностранцев было решено восполнить балтийскими рыцарями, существенные мероприятия по привлечению которых в ряды русской армии были проведены в 1729 г. Указом Верховного Тайного Совета от 14 марта облегчался прием в службу лифляндцев и эстляндцев, рядовой состав которых могли набирать сами «командующие генералы», а обер- и штаб-офицерам надо было являться в Военную Коллегию. Этим постановлением фактически санкционировался столь удобный для остзейцев порядок, когда они могли служить в своих провинциях, начиная карьеру, однако, с нижнего чина. В том же документе было заложено право поступления в армию солдатами лифляндцев и эстляндцев «не из шляхетства», что, вероятно, являлось уступкой рижским бюргерам, незадолго до этого через своего представителя в Петербурге ведшим длительную кулуарную борьбу против рыцарства⁴⁵. По указу от 19 декабря 1729 г. остзейские немцы приравнивались к иностранцам, т.е. получали денежный оклад в два раза больше русских⁴⁶. Одновременно лифляндские шляхтичи имели возможность увольняться не только по болезни и старости, но, что очень важно, «из-за другого какого обстоятельства» (фактически по первому требованию). В этом праве они находились в существенно более выгодных условиях, чем их русские собратья, которые обязаны были служить до старости или до смерти, и для которых армейская повинность или гражданское секретарство становились изнурительным «тяглом»⁴⁷.

В 1730 г. к власти пришла племянница Петра I Анна Иоанновна, на протяжении почти двадцати лет окруженная курляндскими дворянами.

В Москве на основе Пермского драгунского полка, расквартированного в Лифляндии, был сформирован лейб-гвардии Конный полк⁴⁸. Звание полковника приняла сама императрица. По мнению некоторых советских историков, эти новые элитарные подразделения планировалось противопоставить русским по составу гвардейским полкам — Преображенскому и Семеновскому⁴⁹. В этих выводах

⁴⁰ Deutsch-Baltisches Biographisches Lexikon 1710—1960. Böhlau Verlag. S. 102.

⁴¹ О нем см.: Spieler S. Heinrich v. Fick. Ein holsteinischer Mitarbeiter Peters des Großen. Notizen zu einer Biographie // Rußland und Deutschland. Stuttgart, 1974. S. 83—94.

⁴² Цит. по: Zur Geschichte der Ritterschaften von Livland und Oesel. IIm, 1974. Teil II. Oeselsche Ritterschaft. S. 10.

⁴³ ПСЗ. Т. VII. [СПб.], 1830. № 4309 («Об определении Лифляндского и Эстляндского шляхетства в российскую военную службу на том же основании, на котором российские шляхетские дети в службу поступают») и Т. VIII [СПб.], 1830. № 5257 («О принятии в военную службу дворянства Лифляндского и Эстляндского в полки наравне с российскими дворянами и об определении разночинцев только в полевые полки»).

⁴⁴ Указ от 28.02.1722 г. (цит. по: РГВИА. Ф. 16. Оп. 1/118. Д. 850).

⁴⁵ Описание Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. II. 1725—1740. № 3379; ПСЗ. Т. VIII. № 5385.

⁴⁶ ПСЗ. Т. VIII. № 3643.

⁴⁷ Фаизова И.В. Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII столетия. Саратов, 1990.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 386. Л. 204—211 об.

⁴⁹ Зутис Я.Я. Указ. соч. С. 160.

приходится усомниться, так как русские аристократические фамилии были представлены не менее ярко: князья Черкасский, Шаховские, Волконский, Юсупов, Долгоруков; старомосковские дворяне Ржевский, Салтыковы, Бобрищев-Пушкин и другие⁵⁰. Среди преобразенцев и семеновцев имелся также определенный процент немецких офицеров, немного меньший, чем в двух других гвардейских полках.

Многочисленными источниками подтверждается, что именно с начала 30-х годов остзейские дворяне стали четко ориентироваться на карьеру в русской армии, гарантировавшей быстрое продвижение в чинах и хорошее вознаграждение за службу.

В целях регламентации доступа на русскую службу балтийских немцев Сенат 24 числа 1732 г. издал указ, предписывавший принимать бывших офицеров шведской армии тем же чином в российскую, но только по предъявлении патента. Желающие должны были являться к рижскому генерал-губернатору, который отсылал их челобитные в Военную Коллегию. Дела с прошениями и резолюциями иностранцев и остзейских немцев были выделены в особое делопроизводство, позже получившее название Иностранной экспедиции Военной Коллегии.

Тогда же генерал-фельдмаршалом Минихом было образовано по прусскому образцу первое в России специальное военное учебное заведение — Сухопутный Шляхетский кадетский корпус. В него принимались «благородные отроки», начиная с пяти или шести лет⁵¹. При организации в 1731 г. шляхетского кадетского корпуса 1/4 воспитанников — будущих офицеров — должны были составлять лифляндцы и эстляндцы. Выпускные кадеты, «не быв в солдатах и матросах и в других нижних чинах», предназначались прямо на службу офицерами. Соотношение остзейских и русских «отроков» было далеко не в пользу последних, учитывая, что русское дворянство численно превосходило остзейское в несколько десятков раз.

Балтийские дворяне, пренебрегая ожиданиями правительства, вовсе не стремились осваивать украинские степи и просторы восточных окраин, направляя все усилия на то, чтобы остаться на полевой и гарнизонной службе вблизи своих имений. Специальные решения от 1737 г., запрещающие прием местных дворян в полки, «обретающиеся» в Лифляндии и Эстляндии⁵², выполнены не были. Благодетелями в данном случае являлись как генерал-губернатор ирландец

⁵⁰ Анненков И. В. История лейб-гвардии конного полка 1731—1848. СПб., 1849. Ч. IV. С. 11—287.

⁵¹ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 20.

⁵² ПСЗ. Т. X. [СПб.], 1830. № 7692.

граф Ласси, женатый на лифляндке девице фон Функен, так и сплоченное петербургское землячество балтийских рыцарей.

Пик наплыва молодых балтийских дворян приходится на 1737—1738 гг., когда постепенно ими были укомплектованы Конногвардейский и Измайловский полки и те, что стояли в Лифляндии и Эстляндии.

К 1741 г. все армейские ключевые посты в армии, расположенной в российской Прибалтике, находились уже в руках иноземцев⁵³. Клан Менгденов-Минихов, сменивший при Брауншвейгской династии Левенвольде и Биронов, продолжал собирать вокруг себя остзейских выходцев.

Высоким жалованьем, незнанием языка и местного обычая иностранцы-офицеры возбуждали неприязнь офицеров русского происхождения. В тот период от Петра I до Петра III иноземцы, а среди них и остзейские рыцари, еще имели возможность обособливаться, создавать свой круг общения и сталкиваться с русскими только на плацу или при отдаче приказа, но уж никак не на офицерской пирушке. Даже после того, как Миниховские штаты 1736 г. уравнивали русских и иностранных офицеров в финансовом положении, отчужденность и взаимное непонимание оставались, более того — были естественными.

Дворцовый переворот 1741 г., когда русскими гвардейцами на престол была возведена дочь Петра I Елизавета, существенно изменил положение остзейских немцев. Из праздничного Петербурга они стали попадать в Москву, на Украину и даже в Сибирь. Реакцией на это прежде всего стало массовое увольнение из русской армии «по болезни», «по старости родителей», «для приведения в порядок хозяйства в имении» и даже «для продолжения учебы». Пренебрежение русской службой достигло, вероятно, таких размеров, что в 1749 г. императрица Елизавета обратилась к находящимся в офицерских чинах за границей остзейцам с призывом вернуться⁵⁴. На это давался срок в один год со дня опубликования соответствующего указа, ослушавшимся грозили конфискацией имений. В то же время вернувшимся в российскую армию офицерам императрица гарантировала режим наибольшего благоприятствования.

В течение нескольких последующих лет остзейцы частично возвращаются на российскую службу. Как же проходила процедура их принятия? Получив в иностранной армии, где он служил, патент об отставке, офицер приезжал в Ригу и представлялся там командующему расположенными в Остзейских провинциях войсками фельд-

⁵³ Указ о распределении чинов от 3 марта 1740 г.: фон Виттен, фон Буттлар, граф Ласси, Де Брилли, Левендаль // Описание Высочайшим указам и повелениям... Т. II. 1725—1740. СПб., 1875.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1/118. Св. 354. Л. 713—714. Указ от 3 марта 1749 г.

маршалу Ласси. Ласси отсылал в Военную Коллегию рапорт о прибытии новобранца с просьбой о его зачислении в подчиненные ему войска. Тем временем сам офицер являлся в Петербург в Военную Коллегию и подавал прошение о принятии в русскую службу. Чаще всего остзейцы стремились быть принятыми с повышением в чине. Несмотря на наличие указа 1722 г. о понижении в чине тех офицеров, которые намеревались служить временно, остзейцы, также не всегда желавшие оставаться в российской армии навечно, принимались с тем же чином, который они получили в иностранной армии. При этом Военная Коллегия поясняла, что так как остзейцы являются российскими подданными, указ о «понижении рангом» их не касается.

Проверив послушание остзейцев, императрица Елизавета не утруждала себя дальнейшим заигрыванием с ними.

Известно, что Петр III благоволил к остзейцам. В его голштинской гвардии находилось немало представителей остзейского дворянства: Карл Адольф и Томас фон Рамм, Адам Фридрих и Бернгард фон Пистолькорсы⁵⁵. В 1762 г. он подтвердил им привилегии и, как царь из сказки, спросил: «Чем же я могу вознаградить Вас за верную Вашу службу?» Остзейцы запросили ссуду в 300 тысяч рублей медной монетой, которая была им сразу же выделена.

Только командующий голштинскими войсками остзеец генерал фон Лёвен получил из этой суммы 32 тысячи.

Приход к власти Екатерины знаменовал и перемену в отношении к остзейцам. Новая императрица потребовала немедленного возвращения ссуды. Долгие переговоры и заступничество сенатора Иоганна Альбрехта Корфа предотвратили опустошение рыцарской казны и привели к соглашению о рассрочке ссуды, погашенной в 1768 г.⁵⁶

Поступление в голштинскую гвардию царя Петра III сулило в будущем высшие посты в российской армии, и остзейцам как высокоорганизованной немецкой группировке был обеспечен успех у власти. Но продлившийся столь недолго праздник закончился, голштинцы были раскассированы и посланы служить в дальние гарнизоны, а часть из них — выслана из страны. Прибалтийские немцы из голштинских полков, согласно некоторым свидетельствам, по получении отставки удалились в свои поместья и никогда больше не вступали в службу⁵⁷.

Восшедшая на престол императрица Екатерина II не испытывала симпатии к прибалтийским дворянам. Впоследствии она не раз

⁵⁵ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1719. Св. 269. Л. 1—6 об.

⁵⁶ Neuschäffer H. Katharina II und die Baltischen Provinzen // Beiträge zur Baltischen Geschichte. Hannover—Döhren, o. J. Bd II. S. 72.

⁵⁷ Saldern C. Biographie Peter III. SPb., 1800. S. 90.

подтверждала такое свое отношение к ним. Однако, обладая государственной мудростью и умением выбирать способных помощников, она и не ставила цели избавиться от остзейцев, снять их со всех высоких постов. Приближенные Петра III, уроженцы Эстляндии генерал-адъютант барон К.Х. Унгерн-Штернберг (1730—1797) и генерал-фельдцейхмейстер А. Вильбуа (1717—1781) оставались на своих местах и после смены монарха.

Особую роль во взаимоотношениях остзейского дворянства и царицы играл государственный деятель Якоб Иоганн Сиверс (1731—1808). Происходя из семьи шведских выходцев, он начал успешную карьеру при императрице Елизавете Петровне, чьим фаворитом был дядя Якоба Иоганна Карл Ефимович Сиверс. Замеченный благодаря своим способностям, в екатерининское время он занимал должности Новгородского губернатора (1764—1776), правителя Тверского наместничества (1776—1781), начальника водных сообщений (1797—1800). В 1775 г. Екатерина II потребовала прислать к ней опытного ландрата, хорошо знакомого с лифляндскими и эстляндскими порядками. В ответ ко двору был послан ландрат Густав Рейнгольд фон Ульрих, непосредственно участвовавший в составлении «Учреждения для управления губерний». Сиверс также был важным советником и помощником Екатерины при проведении губернской реформы 1775 г. и городского положения. Выйдя в первый раз в отставку в 1781 г., он был избран лифляндским ландратом и использовал свое влияние для смягчения политики императрицы по отношению к Остзейским провинциям.

К политическим деятелям первого эшелона принадлежал и видный дипломат, граф (с 1775 г.) Отто Магнус фон Штакельберг (1736—1800). С 1771 по 1790 г. он был послом России в Варшаве и проводил дипломатическую подготовку к первому и второму разделу Речи Посполитой, одновременно являясь посредником между Курляндским рыцарством и польским королем⁵⁸. Штакельберг удостоился ордена Александра Невского, чина действительного тайного советника и был одним из богатейших землевладельцев Эстляндии. Дворец в имении Паддас ему строил известный архитектор В.В. Растрелли.

Барон Отто Герман Фитингоф-Шель (1722—1792) начал карьеру адъютантом фельдмаршала Ласси. С 1757 по 1787 г. состоял советником Рижского губернского правления. Был женат на внучке фельдмаршала Миниха, унаследовав таким образом придворные связи уважаемого Екатериной II выдающегося военного инженера и государственного деятеля. В 1788 г. этот типичный лифляндец, занимавшийся устройством театра в Риге, винокурнями и льнопрядиль-

⁵⁸ Neuschäffer H. Op. cit. S. 92—98.

нями, был назначен президентом Всероссийской Медицинской коллегии, которой с успехом руководил до 1792 г.⁵⁹ О могуществе Фитингофа, крупнейшего лифляндского помещика, ходили легенды. При жизни его называли «лифляндский полу-король», или даже «полу-бог»⁶⁰. В народе, однако, осталась поговорка: «Богат, как фитингофский мужик», что означало крайнюю степень бедности. Фитингоф, помимо всего прочего, имел свой дворец в Петербурге.

В 1775—1792 гг. генерал-губернатором Остзейских провинций был ирландец Джордж, или Юрий Юрьевич Броун (граф с 1773 г., даты жизни — 1698—1792), женатый на сестре фельдмаршала Ласси. Участник войны за польское наследство и войны с турками, он получил одиннадцать тяжелых ран в сражении при Цорндорфе и в 1758 г. в чине генерал-аншефа был уволен в отставку. С 1762 по 1775 г. он являлся генерал-губернатором Лифляндии, чтобы впоследствии занять пост управляющего обеими губерниями.

Зарекомендовавший себя как послушный исполнитель воли царицы, Броун в то же время был тесно связан с верхушкой остзейского дворянства. Еще в 1761 г. он приобрел на деньги своей жены имение Зегевольд в Рижском уезде⁶¹, а через браки своих детей породнился с влиятельнейшими остзейскими кланами Фитингофов и Медемов.

В армии наиболее удачливым полководцем и талантливым дипломатом показал себя Отто Генрих, или Иосиф Андреевич, Игельстром (граф с 1792 г., даты жизни — 1737—1823). В 1784 г. он командовал русскими войсками, занявшими Крым, и пленил последнего крымского хана Шагин-Гирея. С 1784 по 1790 г. Игельстром был симбирским и уфимским наместником, вел войну, а затем переговоры с казахами и взял на русскую службу хана Среднего Жуза Сергазы⁶², участвовавшего в русско-шведской войне 1788—1790 гг. в звании секунд-майора. Находившийся с 1794 г. в опале, Игельстром был возвращен Павлом I и назначен Оренбургским военным губернатором.

В апреле 1794 г. Игельстром, командовавший российскими войсками в Польше, был настигнут польским восстанием и смог спасти только небольшую часть войск. На его место был назначен лифляндец, генерал Ганс Генрих фон Ферзен (1743—1800). В октябре 1794 г. он захватил в плен Т. Косцюшко, положив таким образом совместно с А.В. Суворовым конец польскому восстанию.

⁵⁹ Deutsch-baltisches Biographisches Lexikon 1710—1960. Böhlau Verlag. S. 836.

⁶⁰ Тайный Советник Фитингоф, в ст.: Забытые имена // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. I. С. 435—439.

⁶¹ Stryk L. v. Op. cit. S. 85.

⁶² Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII — середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 134.

На посту симбирского и уфимского наместника вскоре после Игельстрома оказался эстляндец, генерал-лейтенант Отто Вильгельм фон Дерфельден (1737—1819), незадолго до того отличившийся на посту командира дивизии в русско-турецкой войне (1789). После непродолжительного пребывания в Сибири (1793—1794) Дерфельден также принял участие в подавлении польского восстания.

До чина генерал-аншефа дослужился эзельский дворянин Ганс Генрих, или Иван Иванович, фон Веймарн (1718—1792), в 1759—1762 командовавший войсками на Сибирской линии. За многолетнюю службу ему было пожаловано имение Вольмарсгоф в Лифляндии.

Из мелких лифляндских дворян происходил погибший в сражении под Кайнарджи в расцвете своей карьеры Отто Адольф Вейсман (с 1792 г. барон Вейсман фон Вейсенштейн, даты жизни — 1726—1774), генерал-майор, командовавший отдельным отрядом в Дунайской области во время русско-турецкой войны (1770).

Наряду с группой видных военных деятелей Екатерининского времени, родившихся в Прибалтике и принадлежавших к рыцарским корпорациям, многие государственные и военные деятели иностранного происхождения покупали поместья и обосновывались в Остзейских провинциях после отставки.

Генерал Уильям, или Вилим Вилимович Фермор (1704—1771), родом из Шотландии, уже в 1753 г. владел имением Мартцен в Лифляндии, а в 1759 г. получил от императрицы Елизаветы Петровны имение — замок Нитау с Анненгофом и Морицбергом⁶³. В том же году он был внесен в матрикулу, а его потомки, графы Стенбок-Фермор, владели наследственными землями до конфискации в 1921 г. Победитель Пугачева Иван Иванович Михельсон (1735—1807), потомки фельдмаршала Миниха, генерал-аншефа Иоганна Мартина фон Эльмпта — все обладали значительными имениями в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии и породнились с местным дворянством, чьи интересы при необходимости могли отстаивать. Так, курляндский политический деятель Гейкинг в своих мемуарах без каких-либо пояснений называет Михельсона «большим другом курляндцев»⁶⁴.

Космополитизм продолжал отличать дворян второй половины XVIII в. В особенности это касается аристократической части остзейцев.

Брат И.А. Игельстрома, такой же, как и он сам, лифляндский помещик, был камергером Саксонского курфюрста⁶⁵. Русские военачальники остзейского происхождения, вроде тех же Броуна и Игель-

⁶³ Stryk L. v. Op. cit. S. 72, 250.

⁶⁴ Цит. по: Neuschäffer H. Op. cit. S. 247.

⁶⁵ Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. Görlitz, 1935. Bd II. S. 70.

строма, получали графские титулы не от российского императора, а от Священной Римской Империи.

В отличие от предыдущих государей Екатерина II, подобно Петру I, умела находить способных людей независимо от национальности, а часто и от происхождения. Нами отмечено, что число остзейцев, так же, как и остальных немцев, на высших руководящих постах несколько сокращается, но не сходит на нет. Большинство перечисленных нами генералов были людьми талантливыми, храбрыми полководцами, успешно расширявшими вместе со своими русскими сослуживцами пределы Российского государства.

Восемнадцатый век, несмотря на все перемены политического ветра, был временем наиболее широкой автономии Прибалтийских провинций, во главе которых стояли четыре рыцарские корпорации. Местная власть почти полностью находилась в руках немецкого дворянства. Обращает на себя внимание то, что до 80-х годов XVIII в. подавляющее большинство офицеров стоявших в Остзейских провинциях полков были представителями остзейского дворянства, петербургских и московских немцев, а также выходцев из Германии, Франции и других европейских государств.

С самого своего появления на российской земле балтийские рыцари во многом смыкаются с немцами и другими иностранцами на русской службе, объединенные своими интересами, преимуществами и проблемами, в некотором отношении представляя собой отдельную группировку. Характерно, что иностранцы небалтийского происхождения, решившие навсегда остаться на русской службе, охотно вступали в родственные отношения с остзейцами, обзаводились недвижимостью и просто переселялись в Прибалтику, бывшую оплотом, центром притяжения и заповедником немецчества в Российской Империи.

В 1783 г. Екатерина II в ходе губернской реформы отменила остзейские привилегии. Это выразилось во введении в провинциях общеимперского губернского законодательства, отмене матрикул дворянства и введении родословных книг, доступных для всех выслуживших российское дворянство по Табели о рангах, а также в замене городского самоуправления по остзейскому образцу — общероссийским и введении вместо прежнего поземельного обложения крестьян подушной подати. В то же время в остальных российских губерниях были введены дворянские родословные книги, имевшие в качестве прототипа остзейские матрикулы.

С тех пор, вплоть до вступления на престол Павла I, для остзейских немцев на русской службе начинается новый период, характеризующийся унификационной политикой правительства. Одним из результатов этой политики стало то, что в России со временем образовалась многонациональная, но гомогенная армия, где не были столь заметны объединения по земляческому принципу. В конце

XVIII в. мы не видим уже такого множества остзейцев и иностранцев, приютившихся на теплых местечках в полках, расквартированных в Лифляндии.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов была отменена процентная норма для лифляндцев и эстляндцев в кадетских корпусах.

В расквартированных в Прибалтике воинских соединениях и во всей российской армии было поколеблено, по крайней мере на уровне командующих полками и дивизиями, численное превосходство остзейцев. В 1779 г. из находившихся на командных постах четырех генерал-фельдмаршалов и шестерых генерал-аншефов не было ни одного балтийского дворянина. Лифляндской дивизией командовал фельдмаршал кн. А.М. Голицын, а эстляндской — фельдмаршал Н.И. Салтыков⁶⁶.

Одновременно с ростом могущества Российского государства и славы русского оружия увеличивалась притягательность службы в российской армии для начинающих карьеру молодых балтийско-немецких дворян, причем не только беспоместных, но и материально обеспеченных. Войны и завоевательные походы сулили им военные лавры и быстрое продвижение по служебной лестнице. В это время дворяне, перешедшие в русскую службу из иностранной, предпочитают отдавать своих сыновей в Шляхетский, Артиллерийский и Морской кадетские корпуса. Появляются целые династии офицеров. Для XVIII в. это фон Эссены, Врангели, Веймарны, Ребиндеры, Ренненкампы, Розены, Тизенгаузены и многие другие. Например, «курляндской нации» Лео Эбергард фон Мантейфель (1726—1769), получив в 1747 г. отставку поручиком из службы курфюрста Саксонского, устремляется в Россию. Его сын Иоганн Георг Вольдемар (1757—1778) умирает в должности адъютанта Воронежского полка⁶⁷.

К концу XVIII столетия поток остзейцев, стремившихся к службе вне российских пределов, практически сходит на нет. Они не могут уже так свободно поступать на военную службу в иностранные государства, а с присоединением Курляндского герцогства (1795) к России служба остзейских дворян за границей становится редким исключением, связанным с переездом туда на постоянное жительство.

Именно с екатерининских времен остзейцы начинают вступать в российскую армию на общих основаниях.

Поступила в редакцию
16.12.98

⁶⁶ Neuschäffer H. Op. cit. S. 201—202.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 244. Д. 453; Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd I. S. 380.